

— Ты что, расстроен? — спросил Квак Сухван, не отрывая глаз от дороги.

— Мне нехорошо. Ты сказал, что сдашь меня, хотя я ничего не сделал, — Сокхва снова сжал мизинец.

— Не любишь боль, да?

— Нет, не люблю.

— Поэтому я, майор Квак, не хочу, чтобы с доктором Соком случилось то же, что с Вонхо или доктором О.

Выражение «случилось то же» не понравилось Сокхве. Тем не менее, он лишь прижал рюкзак на коленях.

— Майор Квак, ты ведь не был гражданином Радужного города...

Квак Сухван, до этого смотревший на дорогу, повернул голову к Сокхве. Когда они замедлили ход, Ли Чхэён, ехавшая сзади, просигналила и обогнала их. Фары её машины осветили салон, как вспышка, и затем исчезли.

— А что? Теперь будешь дискриминировать?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь? У всех свои обстоятельства.

На его губах играла лёгкая улыбка, но атмосфера не располагала к дальнейшим расспросам.

— Тебя приняли в граждане из-за исключительных способностей?

— Ну, и поэтому тоже.

Ответ был уклончивым. Когда Сокхва попытался заговорить снова, Квак Сухван вздохнул.

— Я бы не смог так легко попасть на службу без рекомендации доктора О. Он поручился за меня.

— ...Доктора О?

— Кажется, он пожалел меня, оставшегося одного, но я не знаю точно.

— Как доктор О, не будучи гражданином, мог повлиять на вас, майор Квак?

Вжик!

На дорогу выскочила белка. Квак Сухван резко затормозил и прикрыл грудь Сокхвы рукой. Белка, освещённая фарами, оглянулась — целая и невредимая. Судя по размеру, она была молодой. Дёрнув ушами, она юркнула в лес по другую сторону дороги.

У травоядных не было естественных врагов, поэтому их популяция росла бесконтрольно. Никто бы не сказал ни слова, сбей они животное, но вид этой маленькой твари, возможно, заставил бы Сокхву нахмуриться.

Квак Сухван, убедившись, что с Сокхва всё в порядке, на мгновение расслабился. Тот держал его руку обеими руками.

— Камня сегодня нет?

Камень? О чём он?

Сокхва опустил взгляд и разжал ладонь. Док не брал камень, выбежав в спешке, но это было просто рефлекторное действие. Квак Сухван снова начал разгоняться, на этот раз не превышая скорость.

— Я не был гражданином Радужного города, но мои родители были. И они были похожи на тебя, доктор Сок.

Майор задумался, любили ли его родители камни, но смысл был не в этом.

— Они работали в исследовательском центре, как доктор О, но я мало знаю об их работе. Я редко их видел.

Родители майора Квака были исследователями...? Доктор О никогда об этом не упоминал. Хотя, с какой стати он должен был это делать? Сокхва не мог скрыть изумления. Если они были исследователями, записи о них наверняка остались в убежище.

— Но почему ты не стал гражданином?

— Я родился без разрешения Города. В таких случаях тебя не признают гражданином. Доктор Сок, ты правда ничего не знал? Быть с Чеджу — это прекрасно.

Он часто говорил, что вырос, как растение в теплице, но не стал развивать эту тему.

— Я это тоже знаю. Но если вы были исследователем и гражданином, странно, что вам не дали разрешение на рождение.

Скорость была стабильной, поэтому укачивало не так сильно. Сокхва достал из рюкзака воду и принял сапонин.

— Это ещё что?

Сокхва часто экспериментировал с разными таблетками, начиная с закусок.

— Я пробую разные вещи. Чтобы проверить, есть ли эффект улучшения выносливости.

Поскольку женьшень было трудно достать, он пробовал сапонин, извлечённый из бобов. Конечно, нейтрализатор запахов из лаборатории не для этого предназначался. Но после трёх дней приёма никакого эффекта не наблюдалось.

Зная, что ни одно лекарство в мире не может мгновенно изменить врождённо слабую конституцию, он всё же питал тщетные надежды.

— Полковник Квак.

— Да?

— Как звали ваших родителей?

— Это что, проверка перед свадьбой?

— Мне просто интересно, какими исследованиями они занимались.

— Бесполезно. Нет никаких записей о моих родителях.

— Но хотя бы их имена...

— В итоге я известен как изгой Радужного города. Они тайно родили ребёнка и скрывали это. Хватит обо мне. Кстати, доктор Сок, иероглиф «хва» в твоём имени — это не тот, что в «цветке», да?

Квак Сухван менял тему.

П.п.: Здесь и далее упоминание иероглифов связано с корейской традицией объяснения значений имён через ханча (китайские иероглифы, используемые в корейском языке). В Корее большинство имён записываются иероглифами, где каждый слог имеет своё значение.

— Можешь не говорить, если не хочешь.

Сокхва не стал углубляться и просто сделал ещё глоток воды.

— Нет, мне правда интересно. Или это иероглиф «огонь»?

Сокхва проигнорировал его.

— А, значит, «хва» — «бедствие».

— Разве бывают люди с «бедствием» в имени?

— Если хочется — почему нет? Твоя фамилия — «сок» — «камень».

Поскольку это попадало в точку, Сокхва снова замолчал.

— Тогда ты — «каменный цветок», — рассмеялся Квак Сухван. — Доктору Соку и «каменному цветку» очень идёт.

— Меня так назвала бабушка.

— Разве Сокхва не говорил, что это «устрица»? Если имя внука связано с устрицами, значит, твоя бабушка очень их любила? Тайком собирала и ела их, занимаясь исследованиями?

Зачем он такое говорит? Если не хочет говорить, пусть молчит. Сокхва отвернулся к окну.

— Ну, устрицы вкусные. Мягкие и нежные.

Квак Сухван вспомнил вкус устриц, которые пробовал лишь раз в жизни. На самом деле, он не мог вспомнить, каковы они на вкус. В отличие от сладости человеческого Сокхвы, которая превосходила всё.

— Говорят, устрицы отлично очищают воду. Они как цветы моря. Моя бабушка хотела помогать людям этим.

Хотя мама советовала ему избегать опасных вещей.

— Она была замечательным человеком?

— Очень.

— Так что слушайся слов этого замечательного человека и занимайся исследованиями для граждан. Наш «устричный доктор» должен это делать, чтобы моя сперма была принята, а может, и ещё кое-чем позаниматься.

Квак Сухван одной рукой сжимал руль, а другой поднял большой палец. Хотя Сокхва чувствовал, что знает этого мужчину, док не мог до конца понять его. Майор легко шутил и иногда отпускал двусмысленные замечания. Однако иногда его нарочитая улыбка казалась такой же искренней, как и смех секунду назад.

Майор был словно неизвестная форма жизни, окутанная непрозрачной оболочкой. Именно поэтому Сокхва считал его чуть более опасным.

Объятия Квак Сухвана или его прикосновения были приятны, но сейчас Сокхва решил не раскрывать так легко свои мысли.

Показалось убежище Ёйдо. Квак Сухван наконец прибавил скорость и направился к подземной парковке. Ли Чхэён, приехавшая первой, ждала Сокхву у джипа, стуча кулаком по капоту.

— Опять приехал развлекаться.

Квак Сухван припарковался у входа в карантинную зону. Сокхва замешкался, открывая дверь.

— Майор Квак, какая у тебя черта привязанности?

Он не замечал за ним особой привязчивости.

— Угадай.

— Не могу угадать.

— Ты не прав как доктор.

— Исследовать это не стоит.

Внезапно губы Квак Сухвана прижались к его губам. Сокхва расширил глаза от удивления, и поцелуй превратился лишь в лёгкое касание.

— Плата за проезд.

Квак Сухван, обняв Сокхву за плечи, открыл дверь вместо него. Ли Чхэён, подходившая к ним, сделала недовольное лицо. Квак Сухван бросил ей рюкзак Сокхвы со словами:

— Позаботься о нём.

Сокхва прижал ладонь к губам, затем вытащил обе ноги из джипа. Он что, заиклен на поцелуях? Нет, это тоже казалось не так. Сокхва лизнул нижнюю губу. Квак Сухван, прежде чем закрыть дверь, крикнул:

— Доктор Сок, в следующий раз поедем устриц вместе.

Сокхва взял рюкзак у Ли Чхэён и равнодушно ответил:

— Я не ем устриц.

Слегка поклонившись, он направился в убежище. Квак Сухван упёрся подбородком в руль и наблюдал, пока Сокхва не скрылся из виду. Ли Чхэён, вошедшая в карантинную зону с Сокхва, оглянулась через плечо. Квак Сухван повернул руль, только когда док полностью исчез, всё ещё улыбаясь.

Майор не был уверен, станет ли Сокхва слушаться его теперь, но решил не показывать действий, которые могли бы быть легко замечены. По крайней мере, он не хотел разрывать доктора Сока своими руками. Отвергать хрупкую жизнь во второй раз тоже не входило в планы.

Квак Сухван достал сигарету, посмотрел на неё и убрал обратно. Всё потому, что ощущение мягких губ Сокхвы всё ещё оставалось.

<http://bllate.org/book/13066/1154317>